УДК 94(497.1) *DOI: 10.23683/2500-3224-2018-4-96-105*

«НАША ДРУЖБА С ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ»: СОБЫТИЯ 1968 ГОДА В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

А.А. Фокин

Аннотация. В статье анализируется советский политический фольклор, связанный с темой ввода войск в Чехословакию в 1968 г. Анализ политических анекдотов позволяет выявить определенный спектр общественного отношения к действиям войск стран Варшавского блока. Можно выделить несколько сюжетных блоков, вокруг которых строились фольклорные тексты: «братская» и «дружеская» помощь СССР Чехословакии, которая обращается в свою противоположность, в результате чего создается разрыв между риторикой и реальностью; обыгрывание схожести фамилий руководства Чехословакии, например, «Дубчек» похож на «дуб», а «Гусак» — на «гуся»; подчиненное положение Чехословакии после событий 1968 г., когда новое руководство страны должно было выполнять распоряжения Москвы; аналогии между оккупацией страны немецкими и советскими войсками. Несмотря на то, что тексты анекдотов можно рассматривать как критическое отношение к событиям 1968 г., они были направлены на высмеивание не самого военного вмешательства, а властного дискурса, который стремился сделать введение войск легитимным. Таким образом, анекдоты находились в «серой зоне» допустимого, они не могли быть признаны, но и не наказывались, в отличие от публичных акций протеста.

Ключевые слова: 1968, Пражская весна, политической фольклор, советский анекдот.

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, 454001, г. Челябинск, б-р. Кашириных, 129; доцент кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, aafokin@yandex.ru.

"OUR FRIENDSHIP WITH CZECHOSLOVAKIA DOES NOT KNOW BORDERS": 1968 IN THE SOVIET POLITICAL FOLKLORE

A.A. Fokin

Abstract. The article analyzes the Soviet political folklore related to the topic of the intervention in Czechoslovakia in 1968. The analysis of political jokes reveals a certain spectrum of public attitude to the actions of troops of the Warsaw block countries. There are several blocks of stories around which folklore texts were composed: "brotherly" and "friendly" assistance of the USSR to Czechoslovakia, which turns to its opposite, resulting in a gap between rhetoric and reality; playback of similarity of the names of Czech leaders, for example, "Dubcek" is similar to "oak" and "Husak" — to "goose"; subordinate position of Czechoslovakia after the events of 1968, when the new leadership of the country had to follow Moscow's rules; analogies between the occupation of the country by German and Soviet troops. Despite the fact that the texts of the jokes can be regarded as critical to the events of 1968, they were aimed at mocking not the military intervention itself, but the power discourse that sought to make the introduction of troops legitimate. Thus, the jokes were located in the "grey zone" of the acceptable, they could not be recognized, and not punished, unlike public protests.

Keywords: 1968, Prague Spring, political folklore, Soviet anecdote.

Fokin Alexander A., Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of History of Russia and foreign countries, Chelyabinsk State University, 129, Kashirinykh Blvd., Chelyabinsk, 454001, Russia; Associate Professor, Department of Russian as a foreign language, South Ural State University, 76, Lenina St., Chelyabinsk, 454001, Russia, aafokin@yandex.ru.

В августе 1968 г. на территорию Чехословакии вошли войска СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Проведение операции «Дунай» было связано с опасением раскола социалистического блока Восточной Европы в ходе реформ «Пражской весны». Хотя «доктрина Брежнева» позволила сохранить контроль со стороны Москвы над Прагой, но применение силы нанесло серьезный удар по репутации социалистического пути развития. Помимо реакции на Западе, протесты против ввода войск в Чехословакию прошли в различных городах СССР. Самой известной акцией протеста является «демонстрация семерых», прошедшая на Красной площади 25 августа 1968 г. Но открытый протест против действий советского руководства был связан с серьезными рисками и приводил к арестам, принудительному лечению и увольнению с работы. Хотя подобные акции или письма протеста являются ярким феноменом, но они охватывают весьма небольшую группу населения. Поэтому необходимо поставить вопрос о том, каким образом можно выявить восприятие событий 1968 г. у «безмолвного большинства». В данной статье предлагается обратиться к текстам позднесоветского политического фольклора. Поскольку основными характеристиками фольклора является отсутствие авторского начала и широкое бытование, можно предположить, что политический фольклор отражает взгляды и настроение широких общественных групп.

Историография изучения советского политического фольклора не разработана в полной мере. Причина этого кроется в пограничном характере советского политического фольклора как источника. Фольклористы относительно недавно стали работать с текстами отечественного постфольклора и, следовательно, в большей степени ориентируются на изучение более привычных жанров. Историки, хотя и признают анекдот и частушки как исторический источник, справедливо скептически оценивают его фактографический потенциал, поскольку он в большей степени содержит не факты, а оценку восприятия действительности. Если для традиционных направлений исследований, таких как политическая или экономическая история, высокая степень субъективности источника является критическим недостатком, то для историко-антропологического подхода, наоборот, это является важным достоинством. Тем не менее можно выделить ряд работ, которые рассматривают политический фольклор в контексте советского общества [Архипова, Мельниченко, 2011; Архипова, 2004; Воробьева, 2008; Иванова, 2009; Кирзюк, 2017; Мельниченко, 2011; Скрадоль, 2011].

Важным вопросом является вопрос о функции политического фольклора в позднем СССР. Традиционный взгляд на советский политический фольклор заключается в том, что он выражал истинное отношение населения к власти. Смех в таком контексте воспринимается как сопротивление режиму и освобождает его от власти политических институтов. Близка к этой и другая позиция, связанная с преодолением идеологического давления: «Политический анекдот (и, шире, культура стеба) стал естественным порождением и одновременно выходом из ситуации, в которой “сам язык воспринимался как коррумпированное средство массовой дезинформации”, прорывом замкнутого языкового круга» [Кирзюк, 2017, с. 84]. Такое понимание политического фольклора восходит к работе Михаила Бахтина о народной смеховой культуре Франции. Отчасти такой интерпретации способствовала советская власть, поскольку рассказывание

политического анекдота подпадало под действие УК РСФСР (1960 г.), статья 190–1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Предполагалось, что виновный сознательно сообщает такие факты, сведения, которые вообще не имели места в жизни, либо излагает отдельные явления в явно искаженном тенденциозном виде. Исходя из такой формулировки, в дело вступает обратная логика: если власть говорила, что фольклор содержит заведомо ложные измышления, в реальности он содержал правду. Наиболее полно различные взгляды на политический фольклор как способ символического сопротивления изложены коллективом группы Мониторинга актуального фольклора [Архипова, Кирзюк, Радченко, Титков, Христофорова, 2016].

Но такая точка зрения не является единственной, и ряд авторов оспаривают исключительно оппозиционную природу смеха. Юрген Варнекен отмечает, что политический юмор не всегда означает сопротивление режиму, а может преследовать иные цели с точки зрения говорящего [Warneken, 1978]. Необходимость восприятия контекста юмористического высказывания отмечает Мэри Бет Стейн, без понимания того, в какой ситуации был рассказан тот или иной текст, невозможно в полной мере понять его интенцию [Stein, 1989]. Халид Киштайни ставит под сомнение идею сопротивления власти через смех, отмечая, что смех может быть выгоден власти, поскольку является своеобразным клапаном, через который выходит социальное недовольство, в результате человек, смеясь над властью, делает власть более приемлемой [Kishtainy, 1985]. Алексей Юрчак относит позднесоветский анекдот к иронии вненаходимости, то есть анекдот не делил мир на чужих (о ком рассказывали анекдоты) и своих (кто рассказывал анекдот), анекдоты были про всю советскую действительность, включая те ценности, которые были дороги для рассказчика [Юрчак, 2014, с. 550].

Такая точка зрения на политический фольклор выглядит продуктивной, поскольку позволяет анализировать советские анекдоты в более широком контексте. Для этого необходимо связать изучение политического фольклора с двумя теоретическими концепциями. С одной стороны, это идея «разномыслия»: в советский период, особенно в позднем СССР, существовало не два дискурса — советский и антисоветский, а был довольно большой спектр точек зрения, которые не вступали в прямой конфликт с официальной идеологией, но довольно серьезно могли от нее отличаться. При этом носители «разномыслия» могли воспринимать себя как лояльные к советской системе субъекты. В таком случае о фольклоре можно говорить не как о прямом сопротивлении, а как об Eigensinn (своеволие, упрямство). Альф Людтке [Людтке, 2010] на примере немецких рабочих показал, как они могли расширять возможности допустимого, одновременно находясь в определенных рамках. При таком подходе позднесоветский фольклор не противоречит, а сочетается с официальной идеологией в одном человеке, только проявляется в различных ситуациях. Можно допустить, что и члены КПСС, и сотрудники КГБ могли смеяться над услышанным политическим анекдотом. Это же объясняет, почему в позднесоветский период, в отличие от сталинского, политический фольклор переходит в серое правовое поле, в котором хоть и предусмотрено наказание, но оно не происходит.

Власть уже не видела в этом фольклорном «своеволии» прямой угрозы для себя, в отличие от литературных текстов. Eigensinn позволяет лучше переживать советскую действительность и расширяет границы допустимого.

В качестве основных источников использован сборник, составленный Михаилом Мельниченко, который на основе архивных документов, судебных дел, доносов, эмигрантской печати, дневников сформировал указатель сюжетов анекдотов, имевших хождение в СССР с 1917 по 1991 гг. [Мельниченко, 2014]. Далее в тексте анекдоты будут приводиться по этому сборнику с указанием порядкового номера.

Основной массив собранных автором анекдотов относится к вопросам внутренней политики, что вполне естественно. При этом можно выделить ряд сюжетов, связанных с зарубежными странами. В позднесоветский период к таким странам относились: ГДР, Польша, Китай, Афганистан, Израиль и Чехословакия. Такая география тем фольклора связана с тем, что именно эти странны в разные исторические периоды оказывались тесным образом связаны с СССР. Этим странам посвящали свои материалы СМИ, о них говорили на партийных собраниях и открытых лекциях, все это давало автором фольклорных текстов источник для шуток, а у аудитории формировало контекст понимания юмора, что обеспечивало жизненный цикл анекдота. Поэтому неслучайно основной массив анекдотов о Чехословакии связан с событиями 1968 г. Хотя первые шутки обыгрывали ситуации зависимости страны от СССР в послевоенный период.

Можно выделить ряд тематических блоков, служивших основой для анекдотов. Первый из них составляют шутки на тему «братской помощи», как именовался ввод войск в Чехословакию в официальных текстах. Концепция братских отношений была важной риторической формулой в рамках социалистического блока. «Братские отношения» подчеркивали как тесные связи между странами Восточной Европы, так и мягкую форму иерархии, поскольку СССР явно выступал в роли старшего брата. В качестве анекдотов на данную тему можно привести следующие: *«Какая разница между братской помощью и агрессией?» — «Братская помощь — это когда пятеро темной ночью бросаются на одного, а агрессия — когда один среди бела дня бросается на пятерых»* [Мельниченко, 5276], *«Что такое танк?» — «Это карета скорой дружеской (братской) помощи»* [Мельниченко, 5278]. Когда члены руководства Чехословакии были доставлены в Москву, они находились в наручниках, что породило следующий анекдот. *А/р «Что такое наручники?» — «Узы братской дружбы»* [Мельниченко, 5281].

Данные анекдоты строятся по модели несоответствия декларируемой «братской помощи» и использования силы. «Братские отношения» обращаются в свою противоположность, и этот разрыв между риторикой и действиями дает повод к обыгрыванию ситуации в юмористическом ключе. Наиболее интересным анекдотом на данную тему является следующий: *А/р «Кто кому впервые оказал братскую помощь?» — «Каин — Авелю»* [Мельниченко, 5290]. Отталкиваясь от библейского сюжета про убийство одного брата другим, анекдот переносит эту ситуацию на современное международное пространство, где СССР предстает Каином, а Чехословакия — Авелем.

Семантически близким к термину «братских отношений» было понятие дружбы между двумя странами. Так, в 1955 г. был подписан договор, известный как Варшавский, официальное название которого было более обширным: «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Албанией, Народной Республикой Болгарией, Венгерской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Румынской Народной Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой». Название этого документа указывало, что на первом месте между подписавшими государствами стоит именно дружба. Также по завершении событий в Чехословакии в 1970 г. был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой», который должен был документально зафиксировать возобновление дружеских отношений между двумя странами. Тексты обоих договоров, особенно в преамбулах, всячески подчеркивали, что страны не только «братья», но и «друзья». Поэтому, когда «дружеские отношения» вылились в вооруженное противостояние, это тоже обыгрывалось в юморе. *Приснился танк. К чему бы это? К другу.* [Мельниченко, 5277], *«Если друг не сдается, его уничтожают»* [Мельниченко, 5296], *А/р «Какие страны находятся в самом безопасном положении?» — «Те, у которых нет сильных и верных друзей (например, Израиль, который со всех сторон окружен только врагами)»* [Мельниченко, 5289]. Последний анекдот строится сразу на двух реалиях, первая — дружеские отношения внутри Варшавского блока, вторая — арабо-израильские конфликты (например, Шестидневная война 1967 г.), несмотря на которые Израиль сохранял свое положение и независимость.

Помимо обыгрывания устойчивого идеологического клише о братских отношениях между СССР и Чехословакией в анекдотах использовались и другие штампы, которые использовались советскими властями для обоснования использования войск. После подавления массовых выступлений войска Варшавского блока были выведены из Праги и других городов, но при этом для сохранения порядка часть войск «временно» оставалась на территории Чехословакии. Неопределенность временного статуса обыгрывалась в политическом фольклоре: *А/р «Что значит временно оккупировать страну?» — «Это значит временно вонзить нож в спину»* [Мельниченко, 5282], *«Какая страна самая большая в мире?» — «Чехословакия. Вот уже год, как советские войска уходят из нее, а все не могут дойти до ее границы»* [Мельниченко, 5319], *Естественный способ вывода танков из Чехословакии — если их унесут ангелы; сверхъестественный — если советское правительство само решит их вывести* [Мельниченко, 4285]. Вывод войск преподносится как нечто невозможное или невероятное, тем самым статус «временного» оборачивается «постоянным».

Использовался и традиционный для юмора прием — каламбуры и языковая игра. Главным инициатором реформ в Чехословакии был Александр Дубчек, поэтому в анекдотах обыгрывали созвучие его фамилии со словом «дуб»: *А/р «Что делают советские солдаты в Чехословакии?» — «Собирают желуди, чтобы из них не выросли*

Дубчеки» [Мельниченко, 5292], «*Что делать с Дубчеком?» — «Дуб срубить, а чека оставить!»* [Мельниченко, 5293].

Еще один каламбур связан с фамилией министра обороны СССР, одного из главных организаторов ввода войск в Прагу — *Андрея Гречко: Фасад Национального музея в Праге после обстрела — выставка Эль-Гречко* [Мельниченко, 5313]. Важно отметить, что данный анекдот не только использует созвучие фамилий, но и предполагает знакомство с творчеством художника Эль Греко. Этот факт показывает, что анекдот как форма политического фольклора в большей степени был связан с городской культурой и интеллигенцией.

Знания культурного контекста требовал и следующий анекдот: *А/р «Почему поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем?» — «Потому что один из них сказал другому: "А вы настоящий Гусак"»* [Мельниченко, 5313]. Явная отсылка к произведению Николая Гоголя «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в которой один из персонажей называет другого гусаком. Это слово является омофоном к фамилии первого секретаря Коммунистической партии Чехословакии Густава Гусака, следовательно, можно выделить и третий уровень восприятия анекдота. Почему номинация «Гусак» может вызвать ссору между людьми? Скорее всего, по причине того, что Густав Густак выглядел предателем интересов своей страны, ведь первоначально он поддерживал реформы Дубчека, но потом перешел на сторону Брежнева и за свою лояльность получил место партийного лидера: *На столе у Гусака телефоны, связывающие его со всеми странами Варшавского договора, но в одном из них (связывающем его с Москвой) отсутствует микрофон* [Мельниченко, 5323]. Анекдот отказывал новому лидеру Чехословакии в возможности высказывать свое мнение и позволял только слушать, что ему говорит Брежнев. Следующий анекдот также демонстрируют полную подчиненность, противоречившую здравому смыслу: *«Никсон сел на кнопку, которая лежала на сидении стула острием вверх. "Советская?" Скривился, выбросил ее в корзину для бумаг. Косыгин сел на кнопку. "Советская?" Хозяйственно спрятал в карман. Гусак, первый секретарь ЦК партии Чехословакии, сел на кнопку. "Советская?" Положил ее обратно на то же место тем же манером и покорно сел на нее задом»* [Мельниченко, 5325В]. Таким образом, положение после 1968 г. воспринималось как полная зависимость Чехословакии от советского руководства: *А/р «Какая страна самая нейтральная в мире?» — «Чехословакия. Она не вмешивается теперь даже в свои внутренние дела»* [Мельниченко, 5288], *Новая конституция Чехословакии: «1. СССР всегда прав. 2. В случае, когда СССР не прав, следует руководствоваться статьей № 1»* [Мельниченко, 5324].

Последний крупный блок сюжетов связан с аналогией между различными историческими периодами, прежде всего с событиями Второй Мировой войны. В определенном смысле в политическом фольклоре устанавливался знак равенства между войсками Варшавского блока и Вермахтом: *А/р «Как чехословаки убедились в том, что Земля круглая?» — «В 1945 оккупанты были изгнаны на Запад, а в 1968 вернулись с Востока»* [Мельниченко, 5398], *А/р «Правда ли, что Чехословакия обратилась к СССР с просьбой о помощи?» — «Правда. Обратилась в 1938 году, а*

получила в 1968 году» [Мельниченко, 5398]. Особенность данных анекдотов связана с тем, что эти исторические аналогии возникли не в чехословацком обществе, для которого сравнение двух вторжений было понятно, а в советском, где Великая Отечественная война имело важное символическое значение. Необходимо отметить, что брежневское руководство активно использовало память о войне для усиления своей легитимности, так, с 1965 г. 9 мая становится нерабочим днем. Подобное сравнение серьезным образом меняло восприятие Красной армии, превращая ее из армии-освободительницы в армию оккупантов.

Позднесоветский период часто считается «золотым веком» советского политического анекдота. Успеху данного фольклорного жанра в 1970–1980-е гг. способствовал целый ряд факторов. После смерти Иосифа Сталина партийно-государственное руководство взяло курс на формирование нового общественного договора, который предусматривал отказ от систематического и массового насилия, что, в свою очередь, снижало риск привлечения по 190-й статье УК РСФСР. При этом сохранение контроля за идеологической сферой и СМИ со стороны партии и государства делало фольклор в целом и анекдоты в частности важным каналом коммуникации на низовом уровне. Анекдот оказывался в своеобразной серой зоне — за анекдоты не преследовали, но они и не были легальны, что придает акту рассказывания дополнительный элемент приемлемого риска. Поэтому даже такие болезненные для советской власти темы, как события в Чехословакии в 1968 г. могли проявляться в политическом фольклоре.

Имеющиеся фольклорные источники показывают, что советское население активно реагировало на события, о чем свидетельствуют как разнообразие сюжетов анекдотов, так и исчезновение темы Чехословакии в 1970-е гг., когда острота конфликта была погашена. В результате анализа можно выделить две линии анекдотов: первая, в которой можно увидеть критическое отношение к несоответствию слов и дела, вторая, которая использует события или людей для создания комического эффекта без явной моральной оценки. В целом, можно сказать, что тексты анекдотов не дают возможность интерпретировать их именно как протест против ввода войск, что было главным мотивом у акций протестов. Вместо прямого осуждения советского руководства анекдоты, скорее, деконструировали язык власти. Вместо осуждения самого действия высмеивалось то, как про это говорят. Так проявляется «перформативный сдвиг»: авторитетный дискурс воспроизводится, но при этом теряет свою убедительность. Таким образом, анекдот был примером допустимого своеволия (Eigensinn), в отличие от публичных акций или письменных текстов, которые уже выходили за рамки дозволенного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архипова А., Кирзюк А., Радченко Д., Титков А., Христофорова О. «Фига в кармане» и другие теории символического сопротивления // Городские тексты и практики. Т. I: Символическое сопротивление. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 5–23.

Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, РГГУ, 2011. 400 с.

Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. Дис. ...канд. фил. наук. М., 2004. 126 с.

Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960–1980-х гг). Дис. ...канд. Культурологии. Екатеринбург, 2008. 196 с.

Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

Калинин И. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) // *НЛО*. 2013. № 121. С. 113–129.

Кирзюк А.А. Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры // *Studia culturae*. 2017. № 1. С. 75–84.

Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 272 с.

Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: НЛО, 2014. 1104 с.

Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник. Дис. ...канд. ист. наук. М., 2011. 409 с.

Разномыслие в СССР и России (1945–2008). СПб.: Издательство ЕУ СПб, 2010. 368 с.

Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // *НЛО.* 2011. № 108. С. 160–183.

Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Издательство ЕУ СПб, 2008. 544 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Kishtainy K. Arab Political Humor. L.: Quartet Books, 1985. 203 p.

Stein M. The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti // *Western Folklore*. 1989. Vol. 48. № 2. Pp. 85–108.

Warneken B.J. Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem // *Zeitschrift für Volkskunde*. Bd. 74. 1978. S. 20–29.

REFERENCES

Arkhipova A., Kirzyuk A., Radchenko D., Titkov A., Khristoforova O. “Figa v karmane” i drugie teorii simvolicheskogo soprotivleniya [“Fig in your pocket” and other theories of symbolic resistance], in *Gorodskie teksty i praktiki.* T. I: Simvolicheskoe soprotivlenie [Urban texts and practices. Vol. I: Symbolic Resistance]. Moscow: Izdatelskiy dom “Delo” RANKhiGS, 2017. Pp. 5–23 (in Russian).

Arkhipova A., Melnichenko M. *Anekdoty o Staline. Teksty, kommentarii, issledovaniya* [Anecdotes about Stalin. Texts, comments, research]. Moscow: OGI, RGGU Publ., 2011. 400 p. (in Russian).

Arkhipova A.S. *Anekdot i ego prototip: genezis teksta i formirovanie zhanra* [Anecdote and its prototype: the genesis of the text and the formation of the genre]. Dis. kand. fil. nauk. Moscow, 2004. 126 p. (in Russian).

Vorobeva M.V. *Anekdot kak fenomen povsednevnoy kultury sovetskogo obshchestva (na materiale anekdotov 1960–1980-kh gg)* [Anecdote as a phenomenon of the everyday culture of Soviet society (based on anecdotes from the 1960s–1980s)]. Dis. kand. kulturologii; Yekaterinburg, 2008. 196 p. (in Russian).

Girts K. *Interpretatsiya kultur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 560 p. (in Russian).

Kalinin I. Smekh kak trud i smekh kak tovar (stakhanovskoe dvizhenie i kapitalisticheskiy konveyer) [Laughter as work and laughter as a commodity (Stakhanov movement and capitalist conveyor)], in *Novoye Literaturnoye Obozreniye*. 2013. № 121. Pp. 113–129 (in Russian).

Kirzyuk A.A. Politicheskiy anekdot v kontekste pozdnesovetskoy kultury [Political], in *Studia culturae.* 2017 № 1. Pp. 75–84 (in Russian).

Lyudtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii. Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 272 p. (in Russian).

Melnichenko M. *Sovetskiy anekdot (Ukazatel syuzhetov)* [Soviet anecdote (Index of plots)]. Moscow: NLO Publ., 2014. 1104 p. (in Russian).

Melnichenko M.A. *Sovetskiy politicheskiy anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskiy istochnik.* Dis. kand. ist. Nauk [Soviet political anecdote of 1918–1953 as a historical source]. Moscow, 2011. 409 p. (in Russian).

Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008) [Raznomyslie in the USSR and Russia (1945–2008)]. St. Petersburg: Izdatelstvo YeU SPb, 2010. 368 p. (in Russian)

Skradol N. “Zhit stalo veselee”: stalinskaya chastushka i proizvodstvo “idealnogo sovetskogo subekta” [“Life has become more cheerful”: a Stalinist ditty and the production of “an ideal Soviet subject”], in *Novoye Literaturnoye Obozreniye.* 2011. № 108. Pp. 160–183 (in Russian).

Firsov B. *Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki* [Raznomyslie in the USSR. 1940–1960s: History, theory and practice]. St. Petersburg: Izdatelstvo YeU SPb, 2008. 544 p. (in Russian).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: NLO Publ., 2014. 664 p. (in Russian).

Kishtainy K. *Arab Political Humour*. London: Quartet Books, 1985. 203 p.

Stein M. The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti, in *Western Folklore*. 1989. Vol. 48. № 2. Pp. 85–108.

Warneken B.J. Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem [Socio-critical joke as a research problem], in *Zeitschrift für Volkskunde*. 1978. Bd. 74. S. 20–29 (in German).